

ТОПОГРАФИЯ МЕСТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ И НАСЛЕДИЕ ГУЛАГА В РОССИИ XX И XXI ВЕКОВ.

Резюме

Джудит Пэллот

Автор этой статьи задается целью показать, как унаследованные от Советского Союза особенности географии мест тюремного заключения определяют специфику пенитенциарного опыта в Российской Федерации. Статья опирается на данные двух исследовательских проектов, посвященных изучению того, как именно расположение мест заключения, сохранившееся с советского периода, влияет на жизни заключенных и их семей в Российской Федерации после 1991 года.

В предыдущих работах автор обсуждала преемственность российской пенитенциарной географии и показывала, что основы географического разделения труда, сохранившегося и по сей день, были заложены уже к 1930-м годам. Принимавшиеся после смерти Иосифа Сталина решения о сокращении исправительных колоний в соответствии с уменьшением числа заключенных демонстрируют стойкую приверженность государства к размещению пенитенциарных учреждений на периферии страны. Многие лагеря в совсем уж удаленных местностях были закрыты, но точно так же перестало существовать и большинство лагерей, ранее размещавшихся в крупных городах европейской части страны. Оставшиеся исправительно-трудовые лагеря располагаются на воображаемой линии, опоясывающей наиболее плотно заселенные регионы страны и сходящей на нет в Сибири и на Дальнем Востоке. Эту сохранившуюся и по сей день «пенитенциарную дугу» постсоветское российское государство унаследовало от Советского Союза. На всем протяжении этой дуги доля заключенных – количество заключенных на каждые 100 тысяч населения в целом – значительно выше, чем в крупных городских центрах и более плотно населенных центральных районах страны. Доля заключенных в периферийных районах превосходит долю заключенных в Москве и

Московской области в 5–8 раз. В 2012 году в общей сложности более трети всех российских заключенных отбывали свой срок в 10 регионах страны. Карты, прилагаемые к этой статье (с. 31, 33, 38, 39), позволяют сравнить распределение заключенных по регионам в прошлом и сейчас. По этим картам прослеживается сокращение числа заключенных в европейской части страны и перемещение «пенитенциарной дуги» из наиболее отдаленных частей северной Сибири внутрь страны. Но неравномерность распределения исправительно-трудовых колоний по регионам – лишь часть проблем, связанных с географией российских пенитенциарных учреждений. Внутрирегиональное распределение колоний дополнительно усугубляет изоляцию заключенных и «прячет» их от остального населения. Региональные исправительные комплексы обычно располагаются на периферии краев, областей и республик, а населяющие их сотрудники, охранники, пенсионеры и госслужащие по-прежнему социально дистанцированы от местного гражданского населения. Каждое из нескольких поколений тюремщиков, состоявших на службе в подобном исправительном учреждении во всех его последовательных «воплощениях», вносило свой вклад в укрепление лояльности данному конкретному месту.

В XX веке сменяющие друг друга российские государства трижды имели возможность отказаться от привычки ссылать осужденных на окраины. Первый такой момент случился в 1920-х годах – при основании советских концентрационных лагерей. Выбор в качестве места заключения Соловецких островов означал отказ от столичных тюрем, общепринятых в европейских странах. Несмотря на наличие за пределами крупных городов обширных невостребованных земельных участков, которые могли бы быть использованы под концлагерь, власти выбрали для него место удаленное и малопригодное для человеческого обитания. Это решение задавало тон всему происходившему позже. Вторая возможность пересмотреть традиции представилась Советскому Союзу после смерти Сталина в 1953 году, но даже хрущевская оттепель не отменила практику высылки узников на периферию.

Третий подходящий момент случился после распада СССР в 1991 году. Обстоятельства благоприятствовали переменам: постсоветское правительство обязалось провести пенитенциарную реформу и принять на вооружение лучшие образцы мировой практики. Более того, новое правительство публично дистанцировалось от своих советских предшественников, пренебрегавших правами человека. Задача перевести заключенных «поближе к дому» была даже включена в план реформ 1990-х годов. Однако последующие реформы упустили из виду наиболее очевидный способ достижения этой цели, а именно сокращение количества приговоров о содержании под стражей, которое позволило бы закрыть наиболее отдаленные исправительные колонии. Постепенные изменения не сумели подорвать сложившееся пространственное разделение труда между элементами пенитенциарной системы: оно осталось таким, каким было в конце советского периода.

В каждом из трех случаев нежеланию властей взяться за широкомасштабное географическое реструктурирование пенитенциарной системы можно найти «рациональные» объяснения: с одной стороны, их могла отпугивать потенциальная стоимость такого проекта, с другой, они по-прежнему придерживались

практики вынесения суровых приговоров. Однако привычку высылать преступников на окраины можно объяснить и при помощи более глубоких культурно обусловленных причин. Специалисты по тюремной социологии давно выявили наличие разных «культур наказания», определяющих выбор форм наказания, наиболее часто применяемых в каждой конкретной стране. Эти формы обусловлены институциональными и общественными представлениями о наказании, отражающими общие моральные установки и интересы данного общества и встроенными в национальную культуру. Настойчивость, с которой советское и российские государства XX и XXI веков изгоняют преступников на окраины, вполне может объясняться согласием общества с приемлемостью подобного обращения с нарушителями общественных норм.

Обсуждая влияние доставшейся России по наследству тюремной географии на опыт заключения, необходимо осознавать различия между тем, что на языке социологии тюрьмы называется «неизбежными» (*inherent*) и «дополнительными» (*optional*) «тяготами заточения». «Неизбежные» страдания испытывает любой узник – просто в силу лишения свободы, отнимающего у него также свободу выбора, свободу воли и т.д. «Дополнительные» тяготы – это приемы, используемые тюремными властями с целью либо смягчить, либо усилить страдания, присущие любому заключению. Во времена ГУЛАГа заключенные на всех стадиях процесса наказания обрекались на такие лишения, что им было уже не до лишений, связанных с географическими особенностями российской пенитенциарной системы. Впрочем, имеются серьезные причины полагать, что заточение людей в непривычном окружении вдали от дома само по себе мучительно и потому должно быть внесено в список «неизбежных» тягот. Такие тяготы делятся на три категории.

ТРАНСПОРТИРОВКА КАК НАКАЗАНИЕ

Этап сегодня занимает в опыте заключенного примерно такое же место, что и во времена ГУЛАГа. Свидетельства заключенных ГУЛАГа рассказывают о переполненных грузовиках, замаскированных под хлебные фургоны, о корабельных трюмах и «столыпинских» вагонах, доставлявших узников в лагеря на севере Сибири или в казахских пустынях, о многомесячных переездах, о потерянных в пути жизнях, о неизгладимом отпечатке, оставленном этапом на психике тех, кто выжил. Сегодня время в пути сократилось, а поезда не так набиты, однако некоторые повседневные практики, связанные с транспортировкой узников по этапу, сохранились и по сей день. Как и в прошлом, тюремный транспорт – это то место, где отыгрываются стандартные лишения заточения (такие как скудость пайка, лай сторожевых собак, неусыпный надзор, потеря индивидуальности и автономии). В данной статье автор приводит фрагменты из бесед с заключенными об их опыте прохождения по этапу: они говорят о потере связи с окружающим миром, о том, что от них скрывали место следования, о грубом обращении с ними конвоиров. Тюремный транспорт – последнее место, где осужденным еще позволено носить гражданское и иметь личные вещи. По прибытии в колонию они лишаются и этих последних напоминаний о прошлой жизни. Этап – это мобильное пенитенциарное чистилище, промежуточная стадия между «здесь» и «там»; это заключение, обладающее еще,

впрочем, некоторыми материальными атрибутами свободы. Этап создает у узников ощущение отчуждения и усугубляет моральный ущерб, уже нанесенный им пребыванием в следственном изоляторе. Долгий путь по этапу, обычный для России и бывшего Советского Союза, заставляет узников как следует прочувствовать физическую разлуку с близкими и утрату своего прежнего самоопределения. Этап также искажает их представление о географии. Я согласна с теми исследователями, которые считают, что дисциплинарная сила ссылки и изгнания *расширяет* наказание, протягивая «капилляры власти» в область пространственной транспортировки, и что это само по себе мучительно.

«НАКАЗУЮЩАЯ» ПРИРОДА

Второе наблюдение касается влияния, оказываемого на жизнь осужденных особенностями российской тюремной географии. Суть его заключается в том, какое огромное значение приобретают физические характеристики того или иного места заключения. В разгар сталинских репрессий большинство исправительных лагерей и особых поселений находилось в местах с экстремальными природными условиями. Свидетельства жертв ГУЛАГа содержат душераздирающие описания жизни в таких условиях. Если на Крайнем Севере узникам приходилось бороться с невыносимым холодом зимой и мошкаррой во время недолгого лета, то в пустынях Казахстана их донимали песчаные бури и жара. Отношение заключенных к природному окружению было сложным: они и восхищались красотой тихо падающего снега и даруемым им покоем, и проклинали его, когда их заставляли работать на лесоповале по грудь в снегу. Поскольку Россия унаследовала бывшие лагеря ГУЛАГа, экстремальные температурные и климатические условия по-прежнему создают осужденным практические проблемы, вынуждая их приспосабливаться к новым физическим условиям и попутно напоминая, как далеко они от дома. Тучи комаров, мучившие узников ГУЛАГа на севере России и в Сибири, с распадом СССР не исчезли, как никуда не делись и тюрьмы, расположенные в отдаленных уголках страны.

Как и в случае с тюремным транспортом, дабы оценить, насколько болезнен для заключенных перенос в чуждую им среду, нужно отделить системную жестокость, свойственную ГУЛАГу вообще, от насущных проблем, возникающих у человека, вынужденно оказавшегося в незнакомом ему природном окружении. Если заключенных снабжают соответствующей одеждой и достаточным питанием и если соблюдаются правила безопасности труда и минимальные стандарты жизни в бараках (это все довольно большие допущения даже для сегодняшней российской пенитенциарной системы), то не все ли равно, где они отбывают наказание? По утверждению автора, ответ на этот вопрос – «нет, не все равно». Пример этому – ситуация, когда человека, выросшего в умеренном климате, отправляют в пустыню или тундру или, как часто случается в наши дни, уроженца пустынь Центральной Азии или Кавказских гор ссылают в Арктику. Место пребывания важно, как важно, знакомы ли заключенным запахи и звуки, долетающие до них снаружи, из-за забора колонии. Вполне вероятно, что даже тому, кто никогда не увидит, что там за тюремной стеной, утешительно сознание, что он находится в родном городе

или регионе. И наоборот, вместо ощущения комфорта от пребывания в привычном окружении у заключенных, высланных из родного региона, возникает чувство бесприютности. С этой точки зрения, отрыв осужденных от «родины» порождает тяжелые психологические проблемы.

НАКАЗАНИЕ РАССТОЯНИЕМ

Влияние географического расположения российских пенитенциарных учреждений на жизнь заключенных выражается еще и в подрыве их семейных связей. Тюремная социология показывает, что поддержание семейных отношений – немаловажный фактор в успешной реабилитации преступников, снижающий количество рецидивов. Семейные связи также влияют на адаптацию заключенных и их склонность подчиняться правилам: у осужденных, по-прежнему ощущающих себя частью семьи, больше оснований держаться от греха подальше. Бывают, конечно, осужденные, у которых никого на воле не осталось, но те, у кого семья сохранилась, сталкиваются с целым рядом препятствий, мешающих им воспользоваться своим правом на общение с родственниками, не последнее из которых – расстояние. Таблица 2 в статье (с. 44) демонстрирует малое количество посещений заключенных родственниками. Причин этому множество: возраст и/или состояние здоровья близких, финансовые ограничения, рабочие обязательства и прочее, но, по сути, именно расстояние является основным препятствием для столь желанных посещений.

Воздействие расстояния на то, как осужденные переживают заключение, не ограничивается лишь подрывом их семейных связей: отсутствие контактов с внешним миром означает, что заключенные общаются исключительно с себе подобными. В мужских колониях отсутствие альтернативных социальных ориентиров вносит свой вклад в воспроизведение тюремных субкультур, доминирующих в «сообществе пленников». В женских колониях ситуация иная: как выяснилось в совместной работе автора с Лорой Пьяцентини, там возникает «парниковый эффект», когда заключенным постоянно напоминают о том, что они не справились с ролью жены и матери.

Основной вывод исследования, описываемого в статье, заключается в том, что географические особенности российских пенитенциарных учреждений создали особую, исключительную форму наказания, или пенитенциарный модус. Движение заключенных в пространстве от одного пункта к другому – от следственного изолятора через «столыпинский» вагон в колонию – удлиняет расстояние, отделяющее их от дома, и подрывает их социальные связи, принуждая их приспособляться к незнакомому окружению. Такая форма наказания стала нормой в последние 200 лет. Она сохраняется – как институциональная форма и как культурная практика – потому, что несет в себе вполне конкретное сообщение: государство расправится с преступностью, политической оппозицией и социальными отклонениями, изгнав преступников на окраины. В этом смысле данная форма наказания представляет собой прямое наследие ГУЛАГа и, до него, царской России. Если примеры Михаила Ходорковского и «Pussy Riot» о чем-нибудь и говорят, так именно о том, что их заключение и отправка для отбытия наказания в «глу-

бинку» и есть – в период президентства Владимира Путина – самое яркое проявление того, как государственные ценности утверждаются посредством «посадок» и «высылок» в удаленные места (с последующим возвращением по амнистии). В российском случае особенно разочаровывает то, как позорно постсоветские политики упустили возможность ответить на вызов, брошенный им размером и географией страны, и не приняли мер, необходимых для окончательной и бесповоротной эвакуации жителей островов солженицынского «архипелага». На этих островах по-прежнему ютятся люди, и, как это ни печально, они похоже, останутся там и дальше.

Перевод с английского Елены Леменёвой